



Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ, были да жили царь съ царицею. Жилось царю и ладно, и счастливо, и сытно, и весело, да прискучилъ ему теплый уголь: захотѣлось ему по бѣлу свѣту помыкаться, силой съ врагомъ въ честномъ бою помѣряться, славы воинской добыть себѣ на вѣки вѣчные. Собралъ онъ силу ратную не малую, и задумалъ ѣхать въ ту сторону чужедальнюю, заморскую, гдѣ царь Некрещеный-Лобъ правилъ, христіанъ православныхъ мучилъ. Отдалъ царь своимъ совѣтникамъ приказы мудрые, попрощался съ женушкой милою и пошелъ съ войскомъ въ дальній походъ, за море. Долго-ли, коротко-ли, прибылъ онъ въ ту землю, гдѣ царь Некрещеный-Лобъ правилъ, сталъ ту землю раззорять, сталъ съ его войскомъ биться-ратиться, да не повезло ему счастье воинское, попалъ онъ со всей своей

ратью въ горахъ на вражью засаду, и всю его рать враги вырубили, а самого его въ плѣнъ захватили. Посадили царя въ темницу, гдѣ Некрещеный-Лобъ держалъ своихъ невольниковъ, и плохое настало житье для бѣднаго царя; по ночамъ своихъ невольниковъ Некрещеный-Лобъ въ цѣняхъ держитъ, а по утрамъ на нихъ хомуты надѣваетъ, и пашню на нихъ пашетъ до вечера. Вотъ въ такой-то мукѣ прожилъ царь цѣлыхъ три года; и выискалъ какъ-то случай—послалъ къ своей царицѣ вѣсточку: «продавай»—пишетъ—«все наше имѣнiе, закладывай всѣ наши сокровища, пріѣзжай выкупать меня изъ неволи». Получила царица письмо, прочитала, всплакала: «какъ мнѣ царя выкупать? Самой ѣхать—увидить меня Некрещеный-Лобъ—къ себѣ въ жены возьметъ; совѣтниковъ царскихъ къ нему послать—на нихъ надѣжныѣтъ!» Думала, думала и вотъ что вздумала: остригла свои косы русыя, нарядилась гусяромъ и, никому не сказавшись, отправилась въ путь-дорогу дальнюю. Долго она въ томъ пути находилась, всего натерпѣлась и насмотрѣлась, и прибыла, наконѣцъ, въ ту землю, которою Некрещеный-Лобъ правилъ. Весь его дворецъ царица обошла, и ту темницу видѣла, гдѣ онъ своихъ невольниковъ содержалъ—приходить на дворцовый дворъ, беретъ гусли въ бѣлы руки, да какъ заиграетъ въ нихъ—такъ-то сладко, такъ-то хорошо, что и вѣкъ бы слушалъ, не наслушался! Услыхалъ Некрещеный-Лобъ такую музыку, приказалъ позвать гусяра къ себѣ во дворецъ.—«Здравствуй, гусярь! изъ которой ты земли, изъ котораго царства?» спрашиваетъ Лобъ. Отвѣчаетъ ему Царица-гусярь: «сѣзмала хожу, государь, по бѣлому свѣту, людей веселю, да тѣмъ свою голову кормлю».—

«Оставайся у меня, поживи день-другой, третій; я тебя щедро награжу». Остался гусларь во дворцѣ; день-денской передъ королемъ играть, а тотъ все до-сыта не наслаждается: и пить, и гулять, и людей мучить забылъ—все только передъ гусларомъ сидитъ, приговариваетъ: «вотъ такъ музыка! всякую скуку, всякую тоску, какъ рукой снимаетъ!»—Прожилъ гусларь три дня во дворцѣ и приходитъ къ Некрещеному-Лбу прощаться: «что же тебѣ за труды пожаловать?» спрашиваетъ Некрещеный-Лобъ.—«А пожалуй-ка ты мнѣ, государь, единого невольника; у тебя ихъ тамъ много въ темницѣ посажено; а мнѣ товарищъ въ дорогу надобенъ. Хожу я по чужедальнимъ государствамъ — иной разъ въ пути не съ кѣмъ слова вымолвить» — «Ну, изволь, выбирай себѣ любого!» И повелъ Некрещеный-Лобъ гуслара къ темницѣ. Оглянула царица невольниковъ, выбрала себѣ своего мужа и повела его съ собою странствовать. Долго они путемъ шли, другъ дружбу не узнавали, другъ дружкѣ не сказывались, а она все вела его къ его царству. Какъ подошли они къ его границамъ, призналъ царь эти мѣста, взмолился къ гуслару: «отпусти меня, добрый человѣкъ! Я вѣдь не простой невольникъ, я этой самой земли царь; сколько хочешь бери съ меня выкупъ: ничего для тебя не пожалѣю». — «Ступай съ Богомъ», говоритъ царю гусларь, «мнѣ твоего ничего не надобно». — «Ну, хоть въ гости ко мнѣ заверни». — «Будетъ время—побываю». Распрощались они, и пошелъ каждый своимъ путемъ дорогою. Побѣжала царица домой дорогой окольною, прежде мужа домой поспѣла, и нарядилась, какъ быть слѣдуетъ. Черезъ часъ времени забѣгали по дворцу придворные, всѣ въ одинъ голосъ кри-

чатъ: «царь идетъ! царь вернулся!» Царица было къ нему, да онъ со всѣми здороваеся—только на нее одну и не смотритъ. Потомъ собралъ вокругъ себя совѣтниковъ и говоритъ: «вотъ какова у меня женушка! теперь на шею бросается, а какъ я въ злой неволѣ сидѣлъ, да ей вѣсточку прислалъ, чтобы она все продавала, меня выкупала — небось, ничего не сдѣлала!» И сказали царю въ одинъ голосъ совѣтники: «царь-государь! Какъ пришла отъ тебя вѣсточка, въ тотъ же день твоя царица невѣдомо куда скрылась и до сего дня пропадала!» И прогнѣвался царь, приказываетъ: «судите мою невѣрную жену по правдѣ по истинной! Не видать бы вамъ своего царя вѣки вѣчные, кабы не молодой гусярь: за него стану вѣкъ Бога молить». Пока царь гнѣвные рѣчи говорилъ, царица успѣла гусяромъ нарядиться, сошла во дворъ и заиграла въ гусли звончатые. Царь услышалъ, выбѣжалъ гусяру на встрѣчу, схватилъ его за руки, привелъ во дворецъ, показалъ всѣмъ придворнымъ: «вотъ тотъ самый гусярь, что меня изъ неволи выручилъ!» И сбросилъ съ себя гусярь верхнюю одежду—и всѣ въ немъ узнали царицу. Несказанно царь обрадовался, завелъ на радостяхъ пиръ на весь міръ и чуть не цѣлую недѣлю всѣ у него на томъ пиру прохлаждалися. Я самъ тамъ былъ, медъ-пиво пилъ—доселѣ не забылъ.

